

БУДЬТЕ ИСКРЕННИМИ!..

НАВЕРНОЕ, у каждого, кто любил этого человека, художника, артиста, режиссера, остался в памяти свой, неповторимый Охлопков. Он был настолько многогранным, что сумел каждому, кому довелось с ним встречаться в творчестве или жизни, оставить свою частичку души, как искорку, огонек, который зажег в нас близкую нашему сердцу тему.

И вот именно о своем Охлопкове мне и хотелось рассказать в этих воспоминаниях.

Я не был свидетелем всей творческой жизни Н. П. Охлопкова. Он взял меня к себе в театр накануне своего шестидесятилетия. По сути дела этим художником уже почти все было сделано. И его первый режиссерский спектакль на площадке Иркутска в 1922 году сиями горожан и армейских частей Красной Армии, и Реалистический театр с потрясающими «Аристократами» Н. Погодина, и работа в Вахтанговском театре в предвоенные и военные годы, и прекрасная творческая судьба в Театре имени Маяковского за протяжении двадцати пяти лет, где, начиная со знаменитой «Молодой гвардии» и кончая «Гамлетом», был создан ряд незабываемых спектаклей, вписанных в золотую страницу театральной истории нашей Родины. Не было только «Иркутской истории» и «Медеи», ставших впоследствии громкими аккордами всего его спектакльного творчества.

Это было время, когда его театр был на гребне славы, общественного внимания и когда почти каждый спектакль вызывал диспуты и споры. Охлопков был, как капитан на судне, которое, распустив паруса, плыло по ветру счастливого времени. Еще только начинался «Современник», и Охлопков протянул ему свою руку признания и поддержки. Он обласкал молодого Петра Фоменко, дав ему постановку «Смерть Тарелкина». Он выступал зачинщиком журнального диспута о проблемах советского театра. В это время он активно руководил мастерской в ГИТИСе, вел высшие режиссерские курсы и пополнял труппу молодыми актерами и выпускниками театральных вузов Москвы.

Охлопков родился на рубеже двух столетий. Родился в Сибири. Выходец из дворянской семьи, он сразу принял революцию всем сердцем, всей своей сущностью и остался верен ей. Идеи революции полностью соответствовали его внутренней духовной программе: «Да здравствует человек!» И все его спектакли до последних работ на современную тему были проникнуты огромной любовью и пониманием человека нового социалистического общества.

Я увидел Охлопкова, когда, окончив Театральное училище имени Щепкина, показывал ему отрывок из шекспировского «Гамлета».

— Хотите у нас играть Гамлета?

Мне в голову не приходила подобная мысль: в то время было не очень модно, чтобы совсем молодые играли такие роли.

Что я мог ответить — «нет»? Или: «Я еще не созрел, мечтаю сыграть эту роль через десять»? Мне было тогда всего 22 года.

— Конечно, хочу! —, вырвалось само собой.

— Идите в отдел кадров. Оформляйтесь. Мы подадим на вас в Министерство культуры заявку и пачнем репетировать. К новому году надо играть!

Не помню себя, я как на крыльях летел в свое театральное училище. Вбежало и кричал: «Меня взял к себе Охлопков на роль Гамлета!» Обступили студенты: расспрашивали и не верят. Я пошел к директору училища и все рассказал. Но ответ был неумолимый: «Вас направляют в Малый театр». Как быть? И сказала я в кабинете Охлопкова — так, мол, и так. Он молча набирал номер телефона: «Миша!..» И начинается разговор с Михаилом Ивановичем Царевым. Мне дается довольно бедная ха-

рактеристика и только аргументируется: «Но ведь Гамлет, пойми! Ну парню везло, не всем же сразу дают роль Гамлета». Словом, моя судьба решилась. И я начал работать в Театре имени Маяковского.

Я был отдан в руки режиссера-педагога А. В. Кашкина, и репетиции начались.

Наконец назначили показ Охлопкову первого акта. Народу собралось много. Но я опять не волновался. Мне почему-то казалось, что Охлопков хочет, чтобы у меня все получилось. Работал увлеченно и самозабвенно. Мастер остался доволен. Сделал свои замечания и сказал вдруг Кашкину: «Ничему его больше не учите. Пусть он будет таким, какой он есть!»

...Начались наши гастроли в Горьком. Вечером в театре должен был идти «Гамлет». Мой дебют намечался на декабрь, поэтому я спокойно сидел после репетиции в номере гостилицы и читал о Гамлете. В пять часов звонок по телефону: «Приходите в театр, только примите теплый душ». Почему теплый душ? Не спеша попал в театр.

Обстановка за кулисами неестественно напряженная. Смотрю — в гримуборной мой костюм, в котором я репетировал неоднократно, на столе грим. Старший наш гример Иван Васильевич Федосеев спокойно говорит:

— Раздевайся и садись гримироватьсья. Сегодня ты играешь.

— Почему?

— Потому что заболел актер и играть будешь ты.

но у него был свой театр со своими актерами. Он щедро дарил всего себя самому театру и людям, которых вел за собой по трудной дороге Искусства. Особая привязанность у него была к молодым. Наверное, в каждом из нас он видел частичку своей молодости, полеты мечтаний, словом, все то, чем бывает наделена только молодость. И от этого он становился действительно молодым, озорным, неотразимым.

Ему было уже за шестьдесят. Можете вспомнить о годах молодости Охлопкова в голодной Москве, о первых спектакльных шагах у Мейерхольда, о его дорожках в искусстве. О том, как он ставил в Театре имени Вахтангова спектакль «Фельдмаршал Кутузов». Это была большая творческая удача. Тема патриотизма в том спектакле звучала как апофеоз. А ведь был капут 1941 года.

И вот сейчас, будучи седым, умудренным опытом, он вновь возвращался к теме молодости, ставил пьесу А. Арбузова «Нас где-то ждут» и думал об обновлении искусства, о своем Театре имени Маяковского, бывшем театре Революции, о театре высокого морального духа, провозглашавшем правду советского современного человека, ибо именно эта тема и такой герой стали главным в творчестве большого художника сцены. Тема нового человека, новой исторической формации всегда оставалась выражением принципиальной позиции режиссера Охлопкова.

Как продолжать дело? Если внимательно посмотреть на репертуар театра тех лет — в нем были прежде всего

года Охлопкова познать человека от античного времени (следующая работа была «Медея») до сегодняшнего дня, и страстное желание увидеть нравственное будущее человека. Охлопков в том спектакле наделил своих сценических героев чертами, которые могли бы будить в сидящих в зале представление о завтрашнем человеке и завтрашнем дне. И действительно, разве можно называться художником, если не имеешь в своем творческом движении энергичного взгляда вперед? Охлопков умел мыслить спектаклем. Метод работы у него был импровизированный. «Иркутская история», например, началась вечерними встречами участников в его кабинете.

Для него важно было, чтобы сама природа актера запела, заиграла. Попутствовав такому моменту в актере, он оставил его в покое до самой премьеры. Он умел ждать созревания образа и верить в того, кому доверял роль.

Вникая во все стороны актерской жизни, он не забывал, что не одним святым духом искусства держится артист. Ревниво охраняя нас от кино, телевидения, радио и концертов (сему нужна была полная сосредоточенность в работе над ролями), он активно помогал и в устройстве актерского быта. А когда наступал штурм премьеры и мы с утра до вечера не выходили из театра, Охлопков как-то по-отечески, небайдуно снабжал молодых деньгами, чтобы поддержать наш почти студенческий стол.

МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ участвовать почти во всех спектаклях, к которым прямо или косвенно прикасалась рука Николая Павловича в те последние годы его жизни. И везде, во всех работах это было прежде всего достижение души человека, ее неповторимости. Не забуду его подсказку в пьесе В. Пановой «Проводы белых пчел»:

— Разве ты не слышишь, что тебя называют воробушком? А ну подпрыгни, как воробушек! Вот так! Еще! Еще! А теперь пробуй сцену!..

И вдруг пошло! И то, над чем бился долгое время и никак не мог взять, надо было, оказывается, перепрыгнуть всего-то простым «воробиным» скакком — и открылась психология бесчестного, бесхарактерного Валерика, легкомысленного человека!

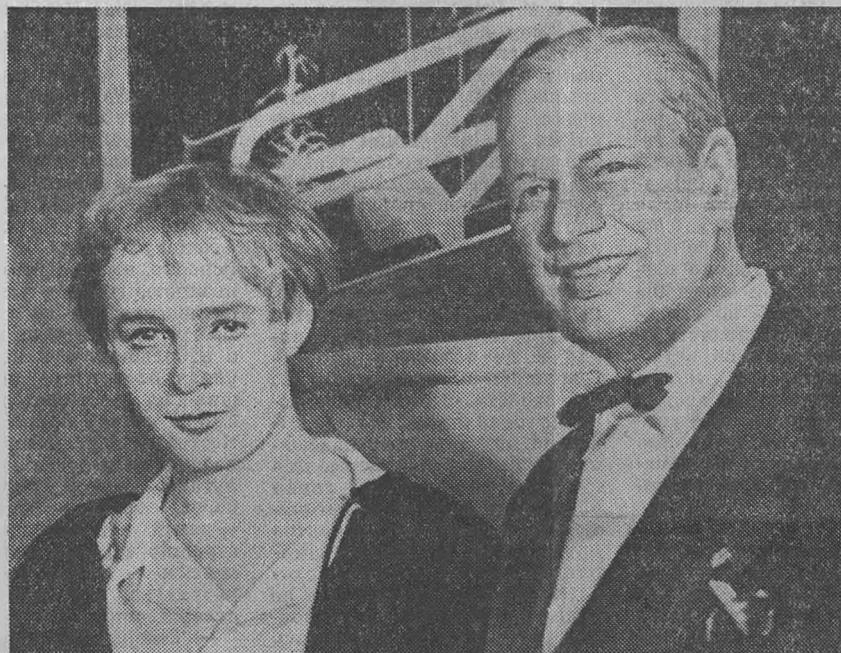
Работать с ним всегда было счастьем для артиста. И не зря мы очень часто слышали его любимое выражение: «Да здравствует Его Величество АРТИСТ!» Он любил шутить: «Как-тб» вы так свободно и смело играете перед зрителем, а? Я бы уже давно от страха убежал со сцены! Но мы-то знали, что это говорил нам удивительный артист!

Мы были поклонниками его глубоко национального таланта. Разве можно забыть его роли в кинематографической Ленинграде М. Ромма или в фильмах «Александр Невский» Эйзенштейна, в «Повести о настоящем человеке»?..

Конечно, за семь лет работы с ним я видел его разным: добрым и гневным, лиричным и бурным, уверенным и расстягиваемым, сердечным и не прощающим компромиссов в искусстве, слабостью характера. Но всегда в нем оставалось главное — любовь к жизни. Искренне жаждий до нее, он умел своим театром вести большой и серьезный диалог со Временем.

...Я полюбил Охлопкова, когда мне было едва двадцать, и вот мне уже дадеко за сорок. Идут годы, но мой Охлопков живет в моей душе таким же цельным и живым, каким я видел его. И чем больше проходит лет, тем явственнее становится понимание, что это было прикосновение к чему-то пебыковскому, неповторимому и незабываемому!..

Эдуард МАРЦЕВИЧ,
народный артист РСФСР.

Открывается дверь, входит Охлопков. Издали: «Не надо из него делать принца. Проще пусть будет. Своя природа». Потом: «Сегодня ты играешь Гамлета, соберись». Как прошел первый акт, не помню. В антракте Николай Павлович пришел расстроенный. Попросил всех выйти.

— Не то. Репетировал по-одному, играешь по-другому. Не надо ничего играть. Понимаешь? Ты — Гамлет. Вот такой, какой ты есть. Ничего не надо, только искренне и непосредственно воспринимай все и всех и от этого живи, страдай, мучайся, но не забывай — ты страдаешь, ты мучаешься, а не припп!..

Во время второго антракта вновь пришел:

— Уже лучше. Но — еще искренней. Будь совсем малчиком. Доверяйся до конца своей природе... О первом спектакле в Москве писалось много в прессе и даже об эпизоде, когда Охлопков спросил в конце спектакля зрителей зал: «Быть такому Гамлету или не быть?..»

У Охлопкова не было своих детей,